

Рец. на: Н.Н. Покровский. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

*Andrey Minakov
(Orel regional historical museum, Russia)*

Rec. ad op.: N.N. Pokrovskiy. Posledniy v Mariinskom dvortse: Vospominaniia ministra inostrannykh del. Moscow, 2015

Среди высокопоставленных чиновников позднеимперской России трудно найти тех, кто после крушения самодержавия в 1917 г. не задумывался о собственной роли в судьбе страны, о событиях и людях, определивших трагический финал российской монархии. Образы уходящей эпохи и неопределённость собственного положения в послереволюционных реалиях вдохновляли их на диалог с будущим читателем. Так бывшие министры и губернаторы становились мемуаристами, литературное наследие которых стало заметным явлением в отечественной истории и культуре. Оставаясь в России или оказавшись вдали от Родины, одни из них подводили в воспоминаниях итог своей жизни, другие стремились продолжить политическую деятельность, превратив перо в опасное для своих оппонентов оружие, третьи, пытаясь разобраться в причинах и факторах, приближавших революционную драму, заботились о создании собственного исторического образа. Так или иначе, все они оставляли для потомков-читателей бесценные сокровища фактов и мыслей, без которых сегодня уже нельзя реконструировать объективную картину истории России рубежа XIX–XX столетий.

В числе тех, кто после революции приступил к работе над мемуарами, был бывший министр иностранных дел, государственный контролёр и член Государственного совета Николай Николаевич Покровский, пик карьеры которого совпал с моментом гибели империи. При Советской власти он одним из первых включился в известный издательский проект журналиста Л.М. Клячко. Однако рукопись Покровского долго ждала полноценной встречи с читателем. Только сегодня, благодаря инициативе и труду петербургских историков С.В. Куликова и Д.Н. Шилова, появилась возможность увидеть, как последние годы царской России воспринимались внимательным высокопоставленным очевидцем.

Воспоминания Покровского состоят из пяти хронологически последовательных глав, каждая из которых, по сути, имеет самостоятельный характер и посвящена отдельному сюжету. Лишь размышления автора о причинах крушения императорской власти лейтмотивом проходят через всю книгу. В первой главе мемуарист, часто посещавший имения родственников в Литве, делился своими мыслями об особенностях российской национальной политики в Западном крае. По его мнению, отсутствие чёткого понимания общности имперского пространства, неудачный подбор «местных служащих» и языковые ограничения существенно усиливали дезинтеграционные процессы в государстве, особенно после начала Первой мировой войны (с. 29–42).

Вторая глава посвящена службе автора в канцелярии Комитета министров. Покровский, прекрасно знавший делопроизводственную «кухню», знакомит читателя с деталями работы высшего правительственного органа, даёт яркие характеристики чиновников разного ранга. Весьма любопытные подробности он сообщает о том, как велась обработка годовых всеподданнейших отчётов губернаторов, поступавших в Комитет министров после прочтения императором. Н.Н. Покровскому посчастливилось служить под началом А.Н. Куломзина — горячего сторонника активного использования губернаторских отчётов при выработке правительственной политики. Однако сам Николай Николаевич скептически оцени-

вал их содержание, считая, что «в очень редких случаях эти отчёты являлись интересным изложением самостоятельных взглядов их авторов» (с. 69). Более информативны, по мнению мемуариста, были отчёты генерал-губернаторов, составлявшие «по мере надобности» и имевшие «политический характер» (с. 70). Тем не менее разглашение полного текста таких документов официально запрещалось. Только в 1860-е гг. губернаторам разрешили обмениваться приложениями к отчётам, а со второй половины 1880-х гг. по инициативе Н.Х. Бунге стали публиковаться отдельные императорские резолюции. Покровский впервые подробно сообщает об обстоятельствах обнародования отчёта варшавского генерал-губернатора за 1897 г., которое грозило вызвать скандал в бюрократическом мире. Ранее были известны лишь эпизоды этой истории¹. При этом мемуарист признаёт существование канала утечки секретной информации из канцелярии Комитета министров и рассказывает о попытках его устранения (с. 71–72). Впрочем, судя по цитированию отчётов губернаторов Северо-Западного края в социал-демократической «Искре»², несанкционированная передача сведений из правительственных кругов продолжалась.

Анализируя статус Комитета министров, Покровский был убеждён в том, что сохранение самодержавия и действенное управление страной невозможны без централизованной власти во главе с монархом. Правительство европейского образца, объединённое под руководством премьер-министра, представлялось ему не опорой, а противовесом самодержцу (с. 63). Эксперименты с введением представительных начал в вертикаль управления империей казались ему малообещающими. В третьей части воспоминаний Покровский пишет о своей службе в Государственной канцелярии, взаимоотношениях её сотрудников, составе и деятельности Государственного совета. При этом, оставив в своих мемуарах выразительные портреты С.Ю. Витте, А.Н. Куломзина, Д.М. Сольского, П.А. Столыпина и некоторых других представителей высшей бюрократии, Покровский, как правило, старался не давать оценку тем лицам, которых не знал.

Четвёртая глава книги представляет собой своеобразный очерк истории разработки налоговых реформ в империи (с. 94–124). Будучи в 1904–1914 гг. директором Департамента окладных сборов, а затем — товарищем министра финансов, Покровский имел к ним прямое отношение, активно выступая за введение подоходного налога и готовя аналитическое обоснование соответствующего законопроекта, необходимого не только для пополнения доходной части бюджета, но и для создания социально-экономической основы дальнейших политических преобразований. Однако представители думской общественности выступили в роли могильщиков реформы. По словам Николая Николаевича, «в подоходном налоге более, чем в каком-либо другом вопросе, выяснилась слабая способность народного представительства стать на общегосударственную точку зрения» (с. 119).

Пятый, заключительный, раздел воспоминаний посвящён деятельности российского правительства в годы Первой мировой войны. Мемуарист внимательно отмечает многие детали глубокого кризиса власти — распад правительства на противоборствующие фракции, бессилие общественных деятелей, расцвет закулисных интриг. Персональную ответственность за катастрофическое положение в стране Покровский, не скупясь на нелестные эпитеты, возлагал на Б.В. Штюрмера, А.Д. Протопопова и Г.Е. Распутина.

Публикуемые воспоминания Н.Н. Покровского предваряет вступительная статья С.В. Куликова «Учёный во власти. Н.Н. Покровский — государственный деятель и мемуарист». Завершают издание два очерка Д.Н. Шилова («Археографическое послесловие» и «От священника до министра: краткие заметки из семейной истории Покровских») и аннотированный именной указатель. Между тем научно-справочный аппарат издания заметно выиграл бы, если бы имел единое предисловие, включающее историографическую и археографическую части, а не только очерчивающее основные вехи жизни и деятельности мемуариста. По мнению Куликова, он «воплощал собой идеальный тип “учёного во власти”», представители которого в конце XIX — начале XX в. активно завоёвывали петербургские канцелярии» (с. 9). Однако

многочисленные отзывы о Покровском его современников едва ли могут заменить обстоятельный анализ ценности его записок для исследователей. Собственно история написания воспоминаний Покровского скрупулёзно изложена в «Археографическом послесловии». В нём также кратко характеризуется хранящаяся в РГАЛИ уникальная коллекция сочинений бывших царских сановников, созданных и сохранившихся благодаря инициативе Л.М. Клячко.

Обширные и содержательные комментарии (с. 220–416) разделены по главам, но составители почему-то объединили их с гораздо меньшими по объёму примечаниями к тексту, что несколько затрудняет чтение. В именном указателе не всегда удалось соблюсти единообразие. Так, у кого-то из переживших 1917 г. указываются обстоятельства смерти — «умер в эмиграции», «расстрелян большевиками» и т.п., у других (включая А.А. Поливанова, В.М. Пуришкевича, В.И. Тимирязева и др.) такие сведения отсутствуют. Сказано, что Д.С. Сипягин был убит, но убийство В.К. Плеве и П.А. Столыпина не оговаривается. Некоторые данные не совсем точны. Так, вел. кн. Михаил Александрович был прославлен Русской православной церковью за границу³, а не Русской православной церковью Московского патриархата.

Об отдельных знаковых фигурах, например, о И.Я. Гурлянде, ближайшем помощнике резко критикуемого Покровским Штюмером, вероятно, следовало рассказать в комментариях подробнее. Но в целом примечания дают обстоятельную оценку достоверности содержащихся в источнике сведений и существенно их дополняют, свидетельствуя об основательной исследовательской работе составителей.

Рецензируемая публикация — пример достойного издания важного исторического источника. Научное сообщество получило прекрасный материал для дальнейшего изучения переломного периода отечественной истории. В небольших по объёму воспоминаниях Н.Н. Покровский сумел показать масштаб политических процессов, приведших самодержавный строй к революционной развязке, ставшей национальной трагедией российского общества.

Примечания

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 227.

² Искра. 1901. № 8. 10 сентября. С. 2.

³ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 259.

* * *

Дмитрий Андреев

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Опубликованные С.В. Куликовым и Д.Н. Шиловым воспоминания Н.Н. Покровского — последнего министра иностранных дел самодержавной России, до назначения на этот пост прослужившего в разных государственных учреждениях и потому накопившего ценный чиновничий опыт и тонкое понимание того, как функционирует бюрократическая машина

империи, — информативный, но вместе с тем композиционно и содержательно неоднородный источник, представляющий собой, по сути, искусственное объединение пяти очерков. Во многом это было обусловлено спецификой написания мемуаров, о чём подробно говорится в «археографическом послесловии» Д.Н. Шиловой (с. 417–424).